

А.А.Тесля

ДЕТЕКТИВЫ, ШПИОНСКИЕ РОМАНЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО¹

Болтански Л. Тайны и заговоры: По следам расследований / Пер. с фр. А.Захаревич; науч. ред. О.Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 502 с.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.»).

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: mestr81@gmail.com.

Аннотация. «Тайны и заговоры» — обстоятельное исследование Люка Болтански последнего (на данный момент) периода развития его мысли. Проблематика классических детективных и шпионских романов рассматривается им в перспективе анализа устройства социального знания, и прежде всего знания социологического. Теоретическая проблематика в данном случае обусловлена «уликовой парадигмой» в понимании Карло Гинзбурга и вопросом о том, насколько социологическое знание воспроизводит модели, присущие классическим детективам и шпионским романам или находится с ними в родстве. Вместе с тем социологическое рассмотрение «тайны» и «заговора» в рамках названных жанров представляет и самостоятельный интерес. Согласно Болтански, эти жанры не только возникают в рамках национального государства, но и воспроизводят как необходимую рамку его образ. Если детектив построен на локальном беспокойстве, тайне как обозначении преступления, то есть сведения неопрозрачности к преступному в юридическом и в моральном смысле, то шпионский роман, особенно в его зрелых формах, отражает всеобъемлющую тревогу и, в частности, неспособность государства служить своему назначению. В то же время движение шпионского романа как жанра демонстрирует логику «сконструированной реальности», образуя показательную рифму с синхронными социологическими теориями. Отграничивая социологическое познание от моделей воображаемого в уголовном следствии, журналистском расследовании, детективном и шпионском повествованиях, Болтански вместе с тем отмечает сходство социологического воображения и большого социального романа XIX в., предлагая рассматривать последний как модель сохранения критического отношения к познаваемой реальности.

Ключевые слова: детектив, шпионский роман, национальное государство, нация, «уликовая парадигма»

Недавно вышедший в свет русский перевод одной из последних работ Люка Болтански, на языке оригинала опубликованной в 2012 г., обречен на пристальное и долговременное внимание по целому ряду обстоятельств. Большая часть из них перечислена уже в обширном предисловии Олега Хархордина, открывающем издание. Это и масштаб и влияние теоретической программы, предложенной Болтански, одним из ведущих на сегодняшний день мировых социологов; и актуальность темы, связанной одновременно с изучением массовой литературы и размышлениями над «уликовой парадигмой» гуманитарного знания, оказавшейся в фокусе научной мысли с момента появления известной статьи Карло Гинзбурга²; и обсуждение природы социологического знания в контексте «проклятия Поппера» и возможности преодоления альтернативы холистский подход / радикальный номинализм, порождающий разрыв описания с повседневным опытом.

² Ginzburg 1986.
Русский перевод
см. Гинзбург 2004.

Понятно, что работу Болтански можно обсуждать во множестве контекстов — благо она сама преднамеренно к ним отсылает и, как отмечает автор, обращена не только к профессиональному сообществу, но и к широкой публике, то есть допускает более или менее наивное чтение, сосредоточенность на том, *что* рассказывается, а не на том, *как* и *посредством каких аргументов* выстроено исследование.

Со своей стороны мы остановимся лишь на одном, но ключевом для работы сюжете — интерпретации детективных и шпионских романов в их классических («оригинальных») формах как тесно связанных с национальным государством. Согласно Болтански, такие романы не просто порождены соответствующим контекстом — подобное утверждение было бы до известной степени трюизмом, достаточно вспомнить время и место складывания жанров (Англия и Франция второй половины XIX — первой половины XX в.), — но и, в свою очередь, воспроизводят эту рамку. Эпиграфом к «Тайнам и заговорам» выбрана цитата из «Вымышленных историй» Хорхе Луиса Борхеса: «История, копирующая историю, — это поразительно; история, копирующая литературу, — это уже непостижимо», которая обсуждается автором уже в эпилоге: «то, что преподносится им (Борхесом — А. Т.) — лукаво — как нечто „непостижимое“, вообще-то, как сам он прекрасно знает, имело место в действительности. История определенно копирует литературу» (с. 427).

История копирует литературу; но вместе с тем анализ литературы позволяет сделать обратный шаг, в свободе от собственно филологического интереса — использовать устройство литературных произведений как ключ или хотя бы один из ключей к устройству действительности.

Базовым для предлагаемой Болтански теоретической рамки становится различие мира³ и реальности. Под миром понимается «все, чему случается быть», тогда как реальность «обретает устойчивость посредством предустановленных форматов, поддерживаемых институциями, которые зачастую, по крайней мере в наших обществах, выступают как правовые или окологривовые» (с. 47—48).

³ Понятие познано из
«Логико-философского трактата»
Людвига Витгенштейна (см. Витгенштейн 2018).

Детектив как жанр возникает именно в тот момент и именно в тех сообществах, где реальность сложилась и обрела «естественность» в двух значениях — «само собой существующего» и одновременно того «естественного» порядка вещей, который утверждается зрелой наукой Нового времени: «Чтобы получился детективный роман, необходимо провести четкое различие между естественной реальностью и миром, который называется сверхъестественным. Если божества или духи способны по своей воле изменять реальность, а нам не понять их намерений, то реальность будет не настолько прочна, чтобы загадки могли ярко проявиться на фоне обычного хода вещей» (с. 50).

Показательно приводимое в работе сопоставление детективного романа с более ранним жанром романа плутовского. Плутовской роман предполагает череду эпизодов, сменяющих друг друга событий / происшествий с героями. Там читатель наблюдает за происходящим с персонажами: перед ним зрелище, занимательность которого и в отдельных сценах, и в их последовательности, когда герой то взмывает вверх на колесе Фортуны, то падает вниз, но в этом зрелище нет устойчивого порядка реальности и, соответственно, нет проблемы ее восстановления путем сведения воедино. В том числе это касается и моральной плоскости — от любого персонажа плутовского романа можно ждать чего угодно, благодетель в следующем эпизоде может обернуться злодеем. Казалось бы, здесь уже присутствует момент, сближающий плутовской роман с детективным, — ведь в классическом детективном романе, от Артура Конан Дойля до Агаты Кристи, убийцей может оказаться кто угодно (за исключением самого детектива). Но в последнем случае неопределенность связана с анонимностью современного общества — с несопадением социальной роли и личности, с границей между публичным и частным, когда неизвестно, кем является твой сосед сам по себе, что он может скрывать.

Болтански отмечает в детективном романе совпадение двух порядков, естественного и морального: «реальность, изображенная в детективном романе, не только устойчивая и когерентная — как и положено природе, которую открывают науки, приподняв покрывало Изиды, — она еще и подчинена власти нравственного закона, как полагается обществу в новой социологической „космогонии“, отчего в результате тайна становится равнозначной преступлению» (с. 86). Это совпадение проявляется, в частности, там, где должно было бы обнаружиться напряжение между позицией детектива, его ролью восстановителя реальности, разгадывающего загадку, разоблачающего тайну, — и тем, что детектив сам пользуется существенной свободой по отношению к правовым нормам. Согласно Болтански, необходимостью обеспечить персонажу эту свободу во многом и объясняется выбор в качестве главного действующего лица человека, не включенного в официальную систему, — от Шерлока Холмса до Эркюля Пуаро (можно попутно вспомнить и Ната Пинкертона, совершавшего свои подвиги в качестве главы детективного агентства). Частный детектив соседствует с полицейским:

Лестрейд и Джепп воплощают публичный порядок, они хранят закон, действуют согласно процедурам — и не видят многого из того, что доступно взгляду Холмса и Пуаро. Но и комиссар Мегрэ — двойственность которого определяется совмещением ипостасей должностного лица и «обычного человека» — не особенно озабочен соблюдением правовых границ в отношении подозреваемых или свидетелей, он обращается с процессуальными нормами «по-домашнему».

То, что вопреки видимому разрыву становится способом сборки, — это обусловленность неправовых действий детективов нравственным законом. Правовое не тождественно реальности, детектив собирает ее вновь — и в итоге восстанавливает и правовое, если не по букве, то по духу: «Этот своеобразный „иммунитет“, или положение вне кругов зла, которым характеризуется государство в классическом детективном романе, наделяет его как единицу потенциалом, достаточным для восстановления разрывов в полноте реальности, принимающих форму преступления с его загадочной аурой. Этот потенциал обусловлен законной властью, которой обладает государство. Но именно в силу того, что его возможности <...> произвольно ограничены принципом законности, их применение требует некоего *дополнения* (*supplement*). Оно заключено либо во вмешательстве вспомогательных сил (детектива-любителя вроде Шерлока Холмса) — в частности, если преступники принадлежат к элите и напрямую вовлечены в деятельность государства, — либо во влиянии сугубо человеческих качеств, вытесняющих, а то и искажающих административные установки (как в случае Мегрэ)» (с. 219–220).

Болтански настаивает, что детектив как жанр подразумевает отчетливый образ национального государства (*nation state*, *l'Etat-nation*), поскольку реальность, которая нарушается преступлением, не просто «эффективно упорядочена» (стр. 85), но и предполагает «гомогенизированное общество»: не власть над территорией, а, по формулировке Хархордина, такой «способ организации политического союза, который делает сохранение и поддержание нации основной задачей политики, а совпадение национальных (культурно-этнических) и политических границ желательным» (с. 15). Это прозрачное, однородное общество тождественно предсказуемости — тем самым всякая загадка, тайна оказываются знаком нарушения реальности: «в эффективно упорядоченной реальности не должно быть загадочных событий, за которыми не стоит преступление» (с. 85).

Отсюда — свойственный классическому детективному роману набор преступников. С одной стороны, это, разумеется, представители низших слоев, те, кто не вполне включен в нацию, кого еще надо «сделать французами» (англичанами и т.д.). С другой стороны, это иностранцы, прежде всего женщины (здесь привычное для конца XIX в. восприятие женщины как угрозы соединяется с образом иностранца, так что угроза удваивается), а также нувориши, слуги высшего разряда и т.п. — те, кто во многом подобен господам, но не равен им. При этом,

⁴ «Государство не в силах упорядочить явления эрратического свойства, ведущие к финансовым рискам. И в результате сталкивается с невозможностью реализовать замысел, которым оправдывает свои действия, внушив надежду большому числу людей — в том числе из различных слоев укрепляющегося среднего класса. Дело не только в том, что государству мешают происки соперничающих с ним стран или подрывные акции революционеров — анархистов и социалистов, — но и всепроникающий и не менее революционный по духу капитализм, на который оно при этом пытается опереться, доказывая свое могущество» (с. 78).

как отмечает Болтански, ключевое напряжение между национальным государством и капитализмом, которое есть в детективе⁴, развертывается с полной силой в шпионском романе. Капитализм и его агенты не включаются без остатка в нацию, не полностью упорядочиваются ее границами: еврейский или, как в наши дни, арабский/исламский заговоры несут в себе угрозы справа и слева, соединяя опасность от банкира или нефтяного шейха с опасностью от социалиста, анархиста, мигранта.

Продолжая логику Болтански, связь детективного и шпионского романов с национальным государством можно усмотреть и в том, к кому обращены в первую очередь подобные тексты, кто является их основной аудиторией. Это средние классы, собственно носители национального сознания, те, для кого опыт правового и околоправового во многом совпадает с рамками их повседневного существования. Персонажами романов, напротив, нередко выступают представители иных слоев, и разгадка мотива преступления, если речь идет о преступлении, направленном на обитателей средних этажей социального здания, зачастую состоит в установлении связей жертвы с другими средами — в прошлом, которое дотягивается до него, или в скрываемом им настоящем. В случае высших слоев правовая ткань, публичный порядок и нормы частной жизни оказываются слишком гибкими, чтобы сложиться в жесткую регулярность, в случае низших же несоответствие, неуловление правом — настолько рутинное состояние, что едва ли способно служить симптомом/уликкой.

Шпионский роман, при всей его близости к детективному, предполагает замену загадки заговором. В первом случае нечто непонятное, не укладывающееся в реальность указывает на преступление, не ставящее под вопрос реальность как таковую, во втором речь идет о том, что угрожает уже самой реальности: «Есть, однако, существенное различие между детективным и шпионским романами. Оно касается, если можно так выразиться, *состояния государства*. В детективном романе государство находится *в состоянии мира*. В шпионском — *в состоянии войны*» (с. 218).

Шпионский роман в его изначальной форме предстает как правый, консервативный перехват (в рамках «революции справа») левой повестки, ищущей за реальностью руку «капитала», обнажающей скрытое. «Народ» там объект эксплуатации и идеологических манипуляций, которые необходимо разоблачить, привив «истинное сознание». В классическом шпионском романе берется на вооружение «критика государства слева. В этой версии понятие „народ“ относится не к народным массам или пролетариату, а обозначает нацию» (стр. 243), противниками которой оказываются и капиталисты, и социалисты с анархистами. Одновременно предметом критики делается государство, не способное вполне совпасть с «нацией».

В своем развитии шпионский роман демонстрирует, с какой скоростью сама реальность начинает переосмысляться как сконструированная — и конструируемая не из некоего источника, будучи результатом

заговора, а отменяя самоё себя (к примеру, у Грэма Грина и Ле Карре) или выступая как автономный порядок, порожаемый бюрократическими, экономическими и тому подобными логиками. Так, в качестве своеобразного варианта шпионского романа Болтански рассматривает «1984», где в итоге выясняется, что нет никакого «Большого брата» или, точнее, он есть именно как образ и функция — никакой первичной, осязаемой реальности за ним не стоит: реальность одновременно оказывается прочной и лишенной подобия «естественного». Отсюда и другой ход, отмечаемый Болтански, — попытка найти аутентичное в «*непосредственности* отношений, в которых рождается желание и участвуют тела», и тем самым преодолеть отчуждение; при этом, однако, «аутентичность, обретенная в любви, столкнется с предательством и не выдержит испытания „сконструированной“ реальностью» (с. 284).

Истоки интереса к подобного рода текстам — в их двойственности: «на стыке воображения, не влекущего за собой последствий, и политики, реализуемой в действительности, напротив, с очевидным эффектом» (с. 236). Как легко заметить, они не «порождаются» наличным национальным государством, но отражают, формируют, распространяют и модифицируют его образ, который и производит эффекты в реальности. Никакой однозначной каузальности здесь не получится построить, хотя в отдельных случаях можно видеть, как выстраиваются последовательности — например, как эксплицитная социология Гитлера оказывается близка к той социологии, которую можно извлечь из «39 ступеней» Джона Бакена, первого классического шпионского романа, и в свою очередь обуславливает конкретную логику «окончательно-го решения еврейского вопроса» (с. 236—238).

Но природа интереса к этим жанрам со стороны Болтански глубже, поскольку отсылает к логике социального познания — его родственности как романному воображению, так и реальному следствию и журналистскому расследованию; проведению границ и в то же время выявлению сходств между ними целиком посвящена последняя, шестая, глава книги. И, поверх проведенных различий, Болтански делает иной жест, апеллируя к большому социальному роману XIX в., «когда персонажами... становятся простые люди, противостоящие историческим событиям, в водовороте которых они оказались, и одновременно сильные мира сего, пытающиеся своими действиями подчинить себе эти события и изменить их ход. Этот литературный замысел постоянно пересекается с социологическим, и подчас сложно определить, какой из них послужил моделью для другого» (с. 424). Социологический очерк разожествляется с детektивами и шпионскими романами — чтобы обнаружить родство устройства воображаемого с социальным романом и, что в контексте предшествующей теоретической работы Болтански, «О критике»⁵, является главным, продемонстрировать возможность сохранения социологическим знанием критического потенциала, способности не просто описывать общество (и тем самым оказываться, что

⁵ Boltanski 2009.

обычно скрывается за оборотом «просто», частью консервативного лагеря), но и ставить его под сомнение, открывая путь изменениям разной степени радикальности.

Библиография

- Витгенштейн Л. (2018) *Логико-философский трактат*. М.: АСТ.
- Гинзбург К. (2004) «Приметы: Уликовая парадигма и ее корни» // Гинзбург К. *Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история*. М.: Новое изд-во: 189—241. URL: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/ginzburg.pdf> (проверено 4.12.2019).
- Boltanski L. (2009) *De la critique: Précis de sociologie de l'émancipation*. Paris: Gallimard.
- Ginzburg C. (1986) «Spie: Radici di un paradigma indiziario» // Ginzburg C. *Miti, emblemi, spie: Morfologia e storia*. Torino: Einaudi: 158—193. URL: http://www.retegeostorie.it/system/files/newsletters/nl_14_libri_link_ginzburg.pdf (accessed on 4.12.2019).

шолта

A.A.Teslya DETECTIVES, SPY NOVELS AND NATION-STATE

Boltanski L. *Mysteries and Conspiracies: In the Wake of Investigations* / Translated from French by A.Zakharevich; Scientific editor — O. Kharkhordin. St Petersburg: The European University in St Petersburg Press, 2019. — 502 p.

Andrei A. Teslya — Ph.D. in Philosophy; Senior Researcher at the Institute of History of St Petersburg State University. Email: mestr81@gmail.com.

Abstract. “Mysteries and Conspiracies” is a fundamental research study by Luc Boltanski written during the last (as of today) phase of development of his thought. The author considers the puzzles of classical detective and spy novels from the perspective of the analysis of the structure of social knowledge, in particular, sociological knowledge. The theoretical puzzle, in this case, is conditioned by the “evidential paradigm” in the understanding of Carlo Ginzburg and the question to what extent sociological knowledge reproduces the models inherent in classical detectives and spy novels or is related to them. At the same time, the sociological examination of “mystery” and “conspiracy” within the framework of these genres represents an interest in itself.

According to Boltanski, these genres not only arise within the framework of a nation-state but also reproduce its image as a necessary framework. A detective is built upon local anxiety, secrecy as a designation of crime i.e., reducing the opacity to criminal in a legal and moral sense. In contrast, a spy novel, especially in its mature forms, reflects a large-scale alarm and, in particular, the state's inability to serve its purpose. At the same time, the development of a spy novel as a genre demonstrates the logic of a “constructed reality”, forming a compelling rhyme with synchronous sociological theories. Boltanski distinguishes between the sociological cognition and the models of “the imaginary” in criminal investigations, investigative journalism, detective and spy narratives. At the same time, the author points out to the similarity between the sociological imagination and the great social novel of the 19th century, suggesting that the latter can be regarded as a model for maintaining a critical attitude to a cognizable reality.

Keywords: detective, spy novel, nation-state, nation, “evidential paradigm”

References

Boltanski L. (2009) *De la critique: Précis de sociologie de l'émanicipation*. Paris: Gallimard.

Ginzburg C. (1986) “Spie: Radici di un paradigma indiziario” // Ginzburg C. *Miti, emblemi, spie: Morfologia e storia*. Torino: Einaudi: 158–193. URL: http://www.retegeostorie.it/system/files/newsletters/nl_14_libri_link_ginzburg.pdf (accessed on 4.12.2019).

Ginzburg C. (2004) “Primety: Ulikovaja paradigma i ee korni” [Spie: Radici di un paradigma indiziario] // Ginzburg C. *Mify — emblemy — primety: Morfologija i istorija* [Miti, emblemi, spie: Morfologia e storia]. Moscow: Novoe izd-vo: 189–241. URL: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/ginzburg.pdf> (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)

Wittgenstein L. (2018) *Logiko-filosofskij traktat* [Logisch-Philosophische Abhandlung]. Moscow: AST. (In Russ.)